

От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия¹

Аннотация. В статье анализируются тенденции перехода от традиционного формализма к алгоритмизации судебных процедур. В первой части статьи рассматриваются основные недостатки формального подхода при принятии судебных решений, такие как отсутствие навыков правильной интерпретации закона, гибкости и неучет социально-исторического контекста развития общества. В другой части исследуются положительные прикладные аспекты формализма, обеспечивающего четкую регламентацию материальных правоотношений, устанавливающих определенные требования к фиксации и оформлению фактов, их порождающих, изменяющих или прекращающих, что является важнейшей предпосылкой автоматизации принятия решения в суде и иных доступных технологий обработки данных, которые могут улучшить правоприменение и повысить его доступность. Исследуются возможности трансформации правосудия в условиях сочетания традиционных формальных методов и современных подходов.

Ключевые слова: цифровые технологии в судопроизводстве, формализм в судебном правоприменении, основания и пределы алгоритмизации и автоматизации принятия судебного решения, риски внедрения искусственного интеллекта в правосудие, цивилистический процесс

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.126.2.051-063

Мария Витимовна САМСОНОВА,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
samsonova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Ирина Ильинична ЧЕРНЫХ,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М. С. Шакарян Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
iichernykh@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

Mariya V. SAMSONOVA,

*Associate Professor of the Shakaryan Department
of Civil and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
samsonova@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

Irina I. CHERNYKH,

*Associate Professor of the Shakaryan Department
of Civil and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
iichernykh@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993*

From Formalism to Algorithmization in Judicial Law Enforcement: Limits and Opportunities in the Context of Digitalization of Justice

Abstract. *The article is devoted to the analysis of formalism as a method of law enforcement and its impact on the justice system in the context of modern changes. The first part of the article examines the main disadvantages of the formal approach to judicial decision-making, such as lack of skills in correctly interpreting the law, flexibility, and failure to take into account the socio-historical context of society's development. The other part explores the positive applied aspects of formalism, which provides clear regulation of material legal relations, establishing certain requirements for recording and formalizing the facts that generate, modify or terminate them, which is an essential prerequisite for automating decision-making in court and other available data processing technologies that can improve law enforcement and increase its accessibility. The possibilities of justice transformation in the context of a combination of traditional formal methods and modern approaches are explored.*

Keywords: *digital technologies in judicial proceedings, formalism in judicial law enforcement, the bases and limits of algorithmization and automation of judicial decision-making, the risks of introducing artificial intelligence into justice, the civil process*

История науки о праве изобилует множеством теорий, которые на протяжении длительного времени стремились получить статус основополагающих для юридического мышления. В конце XIX и начале XX в. важной и даже доминирующей методологией изучения права стал формализм. Этот подход воспринимает право как систему, подобную математике, строго соблюдающую предписания и игнорирующую посторонние факторы. Формализм основан на

внутренней согласованности в процессе принятия решений, что сходно с математической формулой².

Такая «стандартная механическая юриспруденция» сталкивается с внутренними противоречиями, особенно на онтологическом уровне. Законы природы не совпадают с законами развития общества. Право может являться результатом общественных соглашений, не отражая реальную действительность. Формализм в праве в таких случаях воспринимается обществом как чрезмерная, бюрократическая зависимость правоприменителя от государственной воли, выраженной в норме, и ему противопоставляется, если можно так выразиться, «агрессивная» юриспруденция естественного права, активно продвигающая учет человеческой морали, социальной справедливости и общих ценностей, которые лежат в основе правовых норм в правоприменительных решениях.

В условиях нечеткости формулировок закона, недоверия людей к правилам, к самой методологии судебного процесса и, главное, непрозрачности правовых, психологических и идеологических мотивов судей, принимающих решения по конкретным делам, онтология права действительно перестает быть привилегией науки о праве. Современный мир в состоянии онтологического агностицизма требует, видимо, привлечения в юридическую практику других знаний, таких как социология или психология. Но это, полагаем, сегодня более относится к желаемому, чем к действительному.

Позволим себе утверждать, что формализм остается и сегодня основной научной методологией правовых исследований. Он в большей мере дедуктивен, несет идею, что знания и понимание приобретаются путем детального изучения норм/регуляторов/первоисточников, что развивает способность применять эти знания на практике. Так юрист приучает себя основываться на доктринах и основополагающих принципах. Вместе с тем сегодня мы констатируем, что в сознании многих именно решение судьи, а не содержание закона напрямую приводит к правовым последствиям. Учитывая, что метод изучения конкретных ситуаций судом как вариант проявления юридического мышления способен отражать современное состояние философии права, мы выбрали отдельный аспект исследования: формализм в судебном правоприменении — плюсы и минусы.

Концентрированно плюсы формализма в сфере права можно было бы охватить фразой Эдмунда Бёрка: «Если люди будут жить и взаимодействовать сами по себе, опираясь на свой собственный запас разума, то подозреваем, что этот запас у каждого человека невелик и людям лучше было бы воспользоваться общим банком и капиталом наций и эпох»³. Вместе с тем уже недостаточно просто накапливать и применять научные, теоретические и практические знания, лежащие в основе правовых установлений, которые приходится применять суду при разрешении дел. Необходимо высокоорганизованное передовое интеллектуальное творчество для эффективной обработки и использования этих знаний, необходим учет исторического и социального контекста, в котором применяется

² Acharya S. Formalism vs. Pragmatism in Legal Philosophy // SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3423036> или <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3423036>.

³ Burke E. Reading Reflections on the Revolution in France / ed. J. G. A. Pocock. Indianapolis : Hackett, 1987. P. 76—77.

закон, более динамичный и адаптивный подход к правоприменению. Именно этим предопределена возможность судебной системы реагировать на социальные изменения и обеспечивать защиту прав.

Противоположное этому в правоприменительной деятельности суда — это, по сути, те качественные признаки чрезмерности формализма, которые искажают рациональное содержание правил, доводя их до абсурда и создавая основу для гонений на формализм.

Во-первых, речь идет о ситуациях, когда судья, который должен строго следовать букве закона, перестает придавать своему решению «содержательную» законность. Это означает, что он не учитывает качественные аспекты, которые все чаще обозначаются в юридических публикациях неправовыми терминами, такими как разумность, целесообразность, добросовестность, справедливость и т.д.⁴

Судья порой не обращает внимания на истинные намерения законодателя и цели определенной нормы закона, если только она не соответствует конкретному делу, к которому необходимо ее применить. Закон, выраженный в слишком узких формулировках и фактически касающийся аналогичных ситуаций, применяется только к строго указанным случаям, оставляя другие без какого-либо регулирования. Небольшие формальности оцениваются наравне с основными обстоятельствами; условные трактовки заменяют анализ реального содержания ситуации. Логика, основанная на последовательности и внутренней правде, уступает место аргументации, которая выглядит правдоподобной, но основана лишь на формальных текстах закона.

Чтобы чрезмерная формализация не приводила к игнорированию особенностей конкретной ситуации и потере гибкости в правоприменении, судья должен владеть искусством применения источников действующего права. Мы говорим об искусстве толкования закона как противоположности формализму, потому что эта сфера духовного, идеального в праве открывается тому, кто постигает политические, психологические, исторические причины, повлиявшие на возникновение нормы, т.е. целенаправленность замысла законодателя. Эти обобщенные рассуждения могут быть проиллюстрированы весьма конкретными примерами судебной практики.

Статьи 51 ГПК РФ, 60 АПК РФ не допускают участие судьи в качестве представителей по гражданским делам, кроме случаев, прямо предусмотренных законом. Эти нормы не упоминают судью в отставке. Содержание этой нормы потребовало в свое время формирования позиции вышестоящей судебной инстанции. Она сводится к следующему. Сам по себе факт участия судьи в статусе «в отставке» в качестве представителя по гражданским делам является грубым нарушением ст. 51 ГПК РФ, в силу которой судьи не могут быть представителями в суде. На такое лицо распространяются гарантии неприкосновенности судьи, и оно является членом судейского сообщества. Осуществление такого вида деятельности судьей в отставке как самостоятельного вида занятости вызывает сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности суда, вынесшего судебное

⁴ О проблематике содержания судебной деятельности см., например: Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы / под ред. Н. А. Громошиной. М., 2017. С. 5—9.

решение⁵. Но в иных ситуациях подход может быть более гибким. Рассматривая доводы одной из кассационных жалоб о нарушении нижестоящим судом принципа независимости судей и равноправия сторон в связи с участием по делу в качестве представителя истца ее матери, являющейся судьей в отставке, Первый кассационный суд общей юрисдикции признал их несостоятельными и не свидетельствующими о незаконности обжалуемого судебного акта, не влияющими на правильность его выводов⁶.

Обе позиции, полагаем, верны в контексте реальных обстоятельств. Судья в отставке, занятый в осуществлении деятельности по представительству в суде, может попытаться использовать свои знания из прежней практики для получения преимущества в делах, где выступает в качестве представителя, может столкнуться с искушением манипулировать процессом или использовать свои связи для достижения личных целей. Это не соответствует профессиональной этике и подрывает доверие к судебной системе. А судья, выступающий в роли представителя своей дочери, действует в личных и семейных интересах. Представление интересов близкого члена семьи является нормальной, естественной практикой и даже неотъемлемой частью гражданского общества.

Развитие в судебной практике судебного «активизма» — антагонизма судебному формализму, когда суд принимает более гибкие решения, учитывая внешние обстоятельства, динамично развивающиеся экономические и социальные условия, показывает, что правоприменение фактически превращается в пространство для переговоров между формальным и неформальным в целях более глубокого понимания законности.

Решения судов по спорам о защите интеллектуальных прав в этом плане демонстрируют прогрессивный подход к защите исключительных прав, что можно наблюдать в делах, связанных с товарными знаками и патентным правом. Рассматривая дело о взыскании компенсации за нарушение права на товарный знак, суд правильно отказал в удовлетворении требований истца, который оказался «патентным троллем». Этот истец, не использующий знак на практике, а лишь имитирующий его использование с целью получения необоснованных преимуществ, подчеркивает важность целевого подхода в рассмотрении дел⁷. Суд, рассматривая дело, учел не только текст закона, но и фактические обстоятельства, выявив возможность недобросовестного использования интеллектуальной собственности. Это решение отражает понимание судом сущности правовой системы и защищает добросовестных участников рынка от манипуляций, что, на наш взгляд, способствует справедливому использованию прав интеллектуальной собственности.

Подобная же практика получила распространение, в частности, под названием «фотофишинг». Дельцы от юриспруденции заключают с фотографами договор

⁵ См., например: определения Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № КАС10-742 ; от 19.05.2011 № КАС11-224.

⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2024 по делу № 88-9801/2024, 2-3872/2023.

⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.07.2022 № С01-1091/2022 по делу № А32-8379/2021.

доверительного управления исключительными правами на фотографии, затем автор публикует фото единожды под своим именем и далее выкладывает его в свободный доступ без указания авторства в сети Интернет. Доверительные управляющие отслеживают использование этих фото и на этом основании предъявляют иски о взыскании компенсаций со своих жертв. Судебные решения в таких делах часто основываются на техническом соблюдении формальных аспектов договора, игнорируя фактический контекст использования изображения и конечные цели авторов⁸.

Решение Суда по интеллектуальным правам в приведенном примере демонстрирует необходимый уровень вовлеченности, в то время как формальные решения по фотофинингу — это признак юридической статичности, лишь способствующей росту недобросовестной практики, подрывающей основы защиты авторских прав. Это различие подчеркивает необходимость более глубокой и осмысленной правоприменительной практики, учитывающей не только букву, но и дух закона.

Нельзя не отметить, что формализм в его негативном проявлении может привести к недоверию граждан к судебной системе. Люди могут начать воспринимать суд как инструмент, не связанный с реальной справедливостью, а лишь механически выполняющий формальные требования закона. Так могло произойти в следующем деле. Бывшая супруга обратилась в суд с иском к бывшему мужу о признании его недостойным наследником и лишении его прав на получение денежных сумм в связи с гибелью сына-военнослужащего при исполнении им обязанностей военной службы в ходе специальной военной операции. С момента прекращения брачных отношений более 20 лет назад ответчик участия в жизни сына не принимал, относился к нему безразлично, в содержании не участвовал, истцу материально не помогал и полностью устранился от исполнения родительских обязанностей. После гибели сына ответчик обратился в Военный комиссариат с документами для получения выплат, положенных родителю погибшего военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы. По мнению истца, обстоятельства злостного уклонения ответчика от выполнения лежавших на нем в силу закона обязанностей по содержанию сына представляют законные основания для лишения ответчика прав на выплаты в связи с гибелью военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы в ходе специальной военной операции, признания ответчика недостойным наследником и отстранении его от наследования⁹.

Особенностью данного дела является, полагаем, применение норм ГК РФ по аналогии. Выплаты, предоставляемые родителям погибших военнослужащих, имеют специальный статус и предназначены для поддержки семей военнослужащих, а не для наследования. И, даже если ответчик признается недостойным наследником, это не обязательно влечет за собой автоматическое лишение его прав на такие специальные выплаты. Важно учитывать, что указанные выплаты имеют свою природу и подлежат отдельному регулированию. В данном деле

⁸ URL: <https://krasrab.ru/news/media/31936> ; URL: https://nebohod.media/nashi_smi/moscow_post_su/sutyazhnyh_del_rasstrygin35995/ ; URL: <https://47news.ru/articles/182627/>.

⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2024 № 88-19082/2024.

можно провести аналогию с нормами, регулирующими положения о недостойных наследниках (ст. 1117 ГК РФ). Эти нормы предполагают «дисквалификацию» тех, кто злобно уклоняется от исполнения обязанностей перед наследодателем. Хотя сам факт недостойности наследника не может быть напрямую распространен на ситуации с выплатами, связанные с гибелью военнослужащего, механизмы защиты интересов наследодателя (или в данном случае — интересов сына) и обращение к устоявшимся правовым принципам вполне оправдано. Заявление о праве на выплаты после столь долгого периода безразличия к судьбе своего сына является попыткой воспользоваться благами, не заслуженными на протяжении многих лет, что противоречит основам гражданского права.

Описанные примеры неформального в судебном правоприменении открывают широкий спектр вопросов и возможностей для критического осмысления. Важно не только анализировать жесткие правила, но и понимать, как конкретные исторические, социальные и культурные контексты влияют на правоприменение. В общетеоретических правовых исследованиях современный период истории права рассматривается как период выявления наилучших черт предыдущих правовых парадигм для дальнейшего объединения их в единую гармоничную правовую систему. При этом обращается внимание на парадоксальность, антиномичность современного права, коренящиеся в сфере правового менталитета, правосознания, складывающегося в условиях диффузии ценностей и влияния этого процесса на право¹⁰.

Парадоксальность предмета нашего исследования — формализма в судебном правоприменении — очевидна: можно убедительно и доказательно обосновывать и положительные черты формализма. Более того, зарубежные аналитики, даже в англо-американской правовой традиции, отмечают возвращение судебного формализма как методологии, упорядочивающей судебную практику, являющуюся предметом различных конкурирующих, часто несовместимых и зачастую очень тонких объяснений: от чистого оппортунизма до архаизма, дерегулирования и предполагаемого усиления личной ответственности¹¹.

В этом плане формализм в судебном правоприменении — своеобразная гарантия предсказуемости и единообразности в подходе ко всем делам и способ снижения риска произвольных решений. В ряде случаев требуется менее творческий или совсем не творческий способ решения судебного конфликта. Понимание обстоятельств дела не всегда нуждается в измерении эмпирическом, а закон — в неспецифической интерпретации. Право всегда имеет языковую форму; без языка не было бы права¹². Языковая структура права способна к созданию формальных рамок, в которых осуществляется правоприменение и, соответственно, к семантическим моделям нормативного регулирования конкретных правовых ситуаций с возможностью для автоматизированного анализа. В свою очередь, это

¹⁰ Мурунова А. В. Парадоксальность права в эпоху метамодерна // Научные труды / Российская академия юридических наук. Вып. 22. М. : Юрист, 2022. С. 32.

¹¹ Acharya S. Formalism vs. Pragmatism in Legal Philosophy // SSRN. 2019. P. 187. URL: <https://ssrn.com/abstract=3423036> ; URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3423036>.

¹² Formal linguistics and law / ed. by Günther Grewendorf, Monika Rathert. p. cm. // Trends in linguistics : studies and monographs. V. 212. P. 1.

открывает перспективы для создания алгоритмов, которые помогут интерпретировать и применять законы в определенных ситуациях. Современное программное обеспечение может использовать формализованные правовые нормы для автоматизации правоприменительных решений в ситуациях, где имеются четкие и однозначные условия (например, взыскание долгов, расчет алиментов и т.п.).

Алгоритмические подходы могут способствовать выявлению шаблонов в судебной практике, из них можно выстраивать схему структурной сегментации в зависимости от этапа судопроизводства, категории дел и т.д. Эти стандартизированные и формализованные процедуры могут решить типовые задачи без необходимости глубокого анализа и индивидуального рассмотрения каждого дела.

Развитие технологий, появление идей о внедрении цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, для оптимизации судебной деятельности требуют определения границ их применения в целях сохранения правосудия как ценности, как вида человеческой деятельности.

Исследователи выделяют два основных направления применения цифровых технологий в судопроизводстве¹³:

- организационная деятельность суда (сервисное направление);
- непосредственное осуществление правосудия (замещающее направление).

К первому направлению относятся технологии, обеспечивающие взаимодействие (коммуникацию) суда с внешними участниками (подготовка и подача процессуальных документов в суд, судебные извещения, направление запросов, уведомлений, судебных актов и т.д.), а также документооборот внутри аппарата суда и с иными судами.

Второе направление образуют технологии, которые осуществляют анализ поступающей от участников информации, подбор релевантных правовых норм, судебной практики, формируют прогноз и (или) проект возможного решения.

Именно относительно второй группы технологий ведутся наибольшие споры, высказываются опасения, обозначаются риски утраты идентичности правосудия как вида человеческой деятельности вследствие замены человека-судьи машиной¹⁴.

Настороженность юридического сообщества объясняется опасением утраты суверенитета перед машиной, невозможностью обеспечить справедливость при

¹³ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 6—7 ; *Момотов В. В.* Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 188.

¹⁴ См., например: *Родикова В. А.* Искусственный интеллект vs судебское усмотрение: доверять нельзя проверять. Перспективы и риски автоматизации судебной практики // Вестник арбитражной практики. 2023. № 3. С. 37—50 ; *Спицин И. Н.* Включение искусственного интеллекта в правовой контекст и пределы использования технологии в правоприменении // Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. М. : Статут, 2022. С. 274—286 ; *Старицын А. Ю.* Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве // Российский судья. 2024. № 11. С. 57—61.

рассмотрении дел и вынесении решений, что может обеспечить только человек, обладающий ценностями, чуткостью и состраданием, жизненным опытом, культурным кодом общества, к которому он принадлежит. Кроме того, риск ошибок, связанных с применением технологии искусственного интеллекта, обусловлен ее внутренними недостатками, в частности непрозрачностью алгоритмических «черных ящиков» и сложностью машинного обучения¹⁵.

Действительно, характер «черного ящика» скрывает внутренние процессы от контроля и внешней проверки, усложняя задачу отслеживания происхождения вновь генерируемой информации и проверки ее точности. Методы машинного обучения являются неотъемлемой частью генеративного искусственного интеллекта, который способен самостоятельно создавать информацию, а не просто извлекать сохраненные данные или решать задачи по заданным заранее человеком алгоритмам. В этой технологии заложена высокая степень автономности и необъяснимости, возможность формирования новых суждений за счет обобщения и преобразования опыта из разнообразных данных в различных контекстах, а также совершенствования получаемых результатов. Внутренние процедуры принятия решения генеративным искусственным интеллектом основаны на алгоритмах, практически не подлежащих контролю¹⁶. Следовательно, присущие технологии искусственного интеллекта такого рода недостатки обуславливают значительные риски для использования ее при принятии юридически значимых решений.

Одновременно отдельными российскими учеными высказываются смелые предположения о возможности использования при осуществлении правосудия технологий искусственного интеллекта и предиктивной аналитики¹⁷. Безусловно, эти исследования следует поддержать, поскольку темпы развития технологий и их внедрения в систему государственного управления весьма велики. Технологизация общественной жизни — это объективный процесс, который не может быть остановлен и проигнорирован. Изучение зарубежного опыта применения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия демонстрирует нам возможность использования данной технологии, но при установлении

¹⁵ Carabantes M. (2019). Black-box artificial intelligence: an epistemological and critical analysis // AI & Society. URL: https://www.academia.edu/106601021/embryo_selection_by_black_box_artificial_intelligence_the_ethical_and_epistemic_considerations.

¹⁶ Price II, William Nicholson and Rai, Arti Kaur. Clearing Opacity through Machine Learning (February 12, 2020). 106 Iowa L. Rev. 775 (2021), Duke Law School Public Law & Legal Theory Series No. 2020-13, U of Michigan Public Law Research Paper No. 663, U of Michigan Law & Econ Research Paper No. 20-016 // SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3536983>; URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3536983>.

¹⁷ См., например: Незнамов А. В. Искусственный интеллект, единообразие судебной практики и творческий характер судебной деятельности // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 90—106; Брановицкий К. Л., Ярков В. В. Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 7—13; Черных И. И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 58—72.

специальных правил, минимизирующих указанные выше недостатки и риски. Очевидно, что в дальнейшем будут предприниматься усилия по внедрению таких технологий в деятельность российских судов. Это вопрос времени, и это позволяет нам проводить исследования на опережение, учитывая имеющийся зарубежный опыт.

В этом плане представляют интерес исследования китайских ученых, которые в настоящее время анализируют последствия использования искусственного интеллекта в правосудии, пытаются выявить связь между автоматизацией судебной деятельности и повышением справедливости правосудия. Учеными отмечается, что вытеснение человека-судьи из процесса принятия решения имеет также негативный социальный эффект — ослабляется получение обратной связи о действии закона, о проблемах, которые возникают в социуме, источниках конфликтов и напряженности. Помимо прочего, исследователи обращают внимание на угрозу ослабления роли юристов как определенного сообщества, обладающего специальными знаниями, необходимыми для выстраивания правовых стратегий развития общества и государства в целом¹⁸.

Следует отметить, что содействующие судье в принятии решения технологии не сводятся к технологии искусственного интеллекта¹⁹. Предпринимаются попытки внедрения автоматизации совершения отдельных процессуальных действий. Так, о сложностях и перспективах автоматизации судебной деятельности на примере разработки и внедрения программ распознавания текста и автоматизированной обработки заявлений о вынесении судебного приказа делились на конференциях, проходивших в 2022—2024 гг. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Белгородского областного суда О. Ю. Усков и председатель Арбитражного суда Московской области А. А. Соловьев.

В настоящее время продолжаются работы по автоматизации обработки отдельных видов требований в рамках приказного производства и отдельных категорий дел КоАП РФ. Это направление внедрения цифровых технологий в судебную деятельность представляется более перспективным и возможным. Поэтому попробуем определить пределы и основания внедрения данных технологий. Полагаем, тем самым мы окажем помощь разработчикам подобных решений и предотвратим возникновение ошибок и критику.

Ключевым действием в данном исследовании является определение признаков, которым должны отвечать материальные правоотношения, из которых возникают требования, подлежащие автоматизированной обработке для принятия решения. Полагаем, что таковыми являются следующие признаки:

¹⁸ *Straton Papagiannias, Nino Junius. Fairness and justice through automation in China's smart courts // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 51. URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105897> ; URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364923001073>.*

¹⁹ Применительно к нашей стране масштабное внедрение данной технологии в судебную деятельность представляется нереалистичным в ближайшей перспективе, в том числе по причине требований импортозамещения иностранного программного обеспечения на отечественное.

- 1) требования возникают из правоотношений, урегулированных правовыми нормами, не содержащими оценочных понятий, относительно определенных гипотез, диспозиций;
- 2) права и обязанности субъектов правоотношений урегулированы максимально определенно на основе нормативных правовых актов. Например, в Правилах предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов²⁰ в разделе 3 определены условия договора о предоставлении коммунальных услуг, а в приложении к указанным правилам содержится Типовой договор холодного водоснабжения, горячего водоснабжения, водоотведения, электроснабжения, газоснабжения (в том числе поставки бытового газа в баллонах), отопления, который заключается с потребителями;
- 3) последствия нарушения обязанностей определены однозначно, не устанавливаются диапазон или варианты мер, не предполагается применение усмотрения при их определении, могут быть рассчитаны по установленным формулам;
- 4) отношения имеют четкое документальное оформление, требования к содержанию и реквизитам соответствующих документов четко определены в нормативных правовых актах;
- 5) информация о взаимоотношениях сторон накапливается, обрабатывается, хранится в сертифицированных системах обработки данных (о платежах, учета материальных ценностей, бухгалтерского учета, кадрового учета, учета и биллинга услуг операторов связи, коммунальных услуг и т.д.);
- 6) данные о субъектах отношений актуальны, могут быть верифицированы посредством идентификаторов, содержащихся в государственных информационных системах;
- 7) документы могут быть представлены в универсальном формате XML, предназначенном для хранения и передачи данных в структурированном виде.

Как видим, возможность успешной автоматизации подготовки принятия решения во многом зависит от наличия специальных требований к организации и оформлению правоотношений, *предшествующих* обращению в суд. Поэтому внедрение цифровых технологий в судебную деятельность, обеспечивающих автоматизацию рассмотрения определенных дел, — это комплексный процесс, охватывающий одновременно и совершенствование процессуального законодательства, и внесение необходимых изменений в нормы материального права. Создание непротиворечивой, согласованной системы нормативных требований обеспечит возможность внедрения и функционирования автоматизированной системы обработки определенных дел.

Такой подход не требует использования технологии «черного ящика» генеративного искусственного интеллекта, основан на четкой алгоритмизации рассмотрения и разрешения требований, отвечающих указанным условиям. Это может быть реализовано применительно к требованиям о взыскании задолженности за жилищные и коммунальные услуги, требованиям банков, страховых организаций

²⁰ Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // Российская газета. 01.06.2011. № 116.

по уплате различных платежей, арендной платы за пользование государственным и муниципальным имуществом, о взыскании обязательных платежей и санкций и др. Эти дела составляют значительное число от общего количества дел, поступающих в суды. Так, анализ Отчета Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2023 год²¹ показал, что было рассмотрено гражданских дел — 27 368 678, из них *дел приказного производства* — 23 505 708 (т.е. 85,88 %), из них:

- о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло- и электроэнергию — 10 252 835 дел;
- о взыскании сумм по договору займа, кредитному договору — 12 343 715 дел;
- о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей — 173 584 дел;
- о взыскании невыплаченной заработной платы, других выплат (и компенсации за задержку их выплаты) — 32 914.

Выделенные категории дел приказного производства отвечают указанным признакам дел, потенциально могут быть подготовлены для автоматизации их рассмотрения на основе алгоритма, что позволит ускорить и упростить рассмотрение более 80 % поступающих в суды гражданских дел и одновременно освободить для судей время для рассмотрения сложных дел, о которых речь шла в первой части статьи.

Внедрение технологий, обеспечивающих автоматизацию принятия решения по делам, отвечающим указанным признакам, основано на проверяемых (контролируемых) алгоритмах, что является важной гарантией сохранения подконтрольности технологий в судебной (правоприменительной) деятельности.

Остановившись на некоторых аспектах формализма в судебной практике, мы приходим к выводу о необходимости поиска баланса между формализмом в значении устойчивого метода правоприменения, и адаптивностью правосудия в условиях стремительных изменений современного мира. Вместе с тем технологические инновации позволяют обществу ожидать повышения скорости и эффективности разрешения судебных споров за счет формально определенных нормативных требований к обработке юридически значимой информации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Момотов В. В.* Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5 (81).
2. *Мурунова А. В.* Парадоксальность права в эпоху метамодерна // Научные труды / Российская академия юридических наук. — Вып. 22. — М.: Юрист, 2022.
3. *Родикова В. А.* Искусственный интеллект vs судебское усмотрение: доверять нельзя проверять. Перспективы и риски автоматизации судебной практики // Вестник арбитражной практики. — 2023. — № 3.

²¹ URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809>.

4. Спицин И. Н. Включение искусственного интеллекта в правовой контекст и пределы использования технологии в правоприменении // Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам / под ред. К. Л. Брановицкого, В. В. Яркова. — М. : Статут, 2022.
5. Старицын А. Ю. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве // Российский судья. — 2024. — № 11. — С. 57—61.
6. Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы / под ред. Н. А. Громошиной. — М. : Проспект, 2017.
7. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Инфотропик Медиа, 2022.
8. Acharya S. Formalism vs. Pragmatism in Legal Philosophy // SSRN. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3423036> ; URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3423036>.
9. Burke E. Reading Reflections on the Revolution in France / ed. J. G. A. Pocock. — Indianapolis : Hackett, 1987.
10. Straton Papagiannas, Nino Junius. Fairness and justice through automation in China's smart courts // Computer Law & Security Review. — 2023. — Vol. 51. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105897> ; URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364923001073>.

